

На лице Ванъэр вернулся румянец. Она переместилась к краю и, опустившись на колени, немного подумала, прежде чем начать:

— Хань-цзы каждое своё суждение подкрепляет примерами. Это учение о «сокрытии знаний». Хань-цзы полагает, что мудрость правителя ограничена, а мудрость подданных безгранична. Поэтому если правитель выставляет свою мудрость напоказ, подданные познают его способности и перестают прилагать усилия. Если же правитель знает, но делает вид, что не знает, подданные не могут угадать его намерений и вынуждены действовать изо всех сил. Именно тогда правитель и наблюдает за их словами и поступками, оценивая достоинства и недостатки. Во-вторых, если правитель явно показывает, что ему известно, подданные понимают, как приукрасить себя. А если правитель, зная, делает вид, что не знает, и затем расспрашивает подданных, сверяя своё знание с их ответами, он может распознать их преданность или коварство, талант или бездарность, мудрость или неблагонадёжность. Например, этот Пан Цзин как раз и применил метод сокрытия знаний.

Выслушав её объяснение, я вроде бы что-то уловила и повернулась к матери. Но та снова поднялась, подошла к Ванъэр, и та поспешила было освободить место и встать, однако мать положила ей на плечо руку, не позволив подняться.

Мать поманила меня, и я поспешила подойти. Одной рукой она указала на плечо Ванъэр, прижав её к полу так, что та глубоко склонила голову, не смея пошевелиться, а другой взяла меня за руку и неспешно произнесла:

— Хань Фэй в конечном счёте был человеком замкнутым и странным, его учения всегда склонялись к методикам и приёмам. Например, этот путь сокрытия знаний ещё можно применять к льстецам и проходимцам, но если использовать его с чистыми, благородными людьми, то, боюсь, можно ранить сердца добродетельных сановников. Как говорится: «Если правитель относится к подданным как к своим рукам и ногам, то подданные относятся к правителю как к своему сердцу и внутренностям; если правитель относится к подданным как к собакам и лошадям, то подданные относятся к правителю как к посторонним». Ванъэр, не так ли?

Тело Ванъэр вновь задрожало, и она сипло ответила:

— Так.

Мать продолжала:

— Хоть я и всего лишь женщина, в сердце своём также стремлюсь к добродетели и мудрости, желаю обрести добродетельных сановников как своё сердце и вместе создать мирную, незыблемую эпоху. Как ты думаешь, Ванъэр, помыслы мои небезрассудны ли?

Дрожь Ванъэр немного утихла, но голова склонилась ещё ниже. Ответ её был предельно краток, словно каждое лишнее слово давалось ей с мукой:

— Нет.

Мать, видя её скованность, усмехнулась, погладила меня по голове и не стала говорить дальше. Ванъэр слегка пошевелинулась, словно успокаиваясь, и тихо промолвила:

— Ваше Величество, озаряемое священной мудростью, непременно сможет привлечь множество талантливых людей, объединить сердца и усилия, воздвигнуть эпоху чистоты и мира, заложить основу на десять тысяч лет.

Мать улыбнулась, убрала руку с её плеча и, взяв меня за руку, направилась к ложу за занавесями.

Пока мы уходили, Ваньэр оставалась распростёртой на полу, не смея сделать ни малейшего движения.

Сделав несколько шагов, мать медленно остановилась, обернулась и сказала:

— Я распорядилась завтра устроить пир в Чертоге Удэ от имени князя Дай для его приближённых. Передай по дворцу, чтобы они не бродили где попало. И скажи князю Дай, чтобы не пил лишнего, а то, чего доброго, натворит чего-нибудь непристойного в пьяном виде.

Ваньэр уже полностью успокоилась. Она выползла со своего места, поклонилась матери до земли и произнесла:

— Докладываю Вашему Величеству: князь Дай уже взрослый, а я служу в делах внутреннего двора. Если буду иметь с ним общение, боюсь, породнятся нежелательные толки. Осмелюсь просить, чтобы впредь все дела, связанные с князем Дай, передавались другим, и я бы устранялась от них.

Мать удовлетворённо рассмеялась, потрепала меня по голове и сказала:

— Одобряю.

Эту ночь я спала очень беспокойно. События дня снова и снова прокручивались у меня в голове, каждое слово каждого человека я намеренно или непроизвольно обдумывала вновь и вновь: отец, мать, Ли Шэн, Ваньэр, Вэй Хуань, Ван Сюй, Ли Жуй...

В моём смутном сознании все эти люди словно были скрыты лёгкой дымкой, позволявшей разглядеть общие очертания и отличить одного от другого, но стоило попытаться рассмотреть подробнее — и их истинные лики совершенно ускользали от взгляда.

Я думала, что из всех них Вэй Хуань будет для меня самой непонятной, ведь мы общались меньше всего и были наиболее далеки. К моему удивлению, её дымка оказалась самой тонкой и прозрачной, а под ней всегда виднелось улыбающееся лицо, и глаза сияли, словно солнечный свет. На дымке Ли Шэна отпечаталось виноватое лицо. Я спросила его, почему он, как женщина, носит покрывало, но он не ответил, лишь отвернулся, закрыл лицо руками, а за его спиной вдруг появился острый нож, готовый ударить меня. Дымка Ваньэр была сделана из бумаги, на ней было нарисовано ничем не примечательное человеческое лицо. Как я ни смотрела, оно совсем не походило на неё. Я протянула руку, чтобы приподнять покрывало, но Ваньэр сама его сбросила, обнажив зловещий высохший скелет. Я в ужасе отпрянула и больше не посмела к ней прикоснуться. И Ван Сюй, и Ли Жуй носили маски, словно актёры в театре теней. Ван Сюй играл уродливого комика, размахивающего мечом, который на сцене только и делал, что подстрекал, колол и резал. Ли Жуй же был красивым юношей, учтивым и воспитанным, при встрече со всеми говорил приятные слова и время от времени раскрывал веер у себя перед грудной клеткой. Мать, с которой я проводила дни и ночи, напротив, оказалась самой неясной из всех. Я видела, как множество её ликов мелькало под покрывалом, то любящее, то суровое, то очаровательное и милое, то жестокое и зловещее.

Все эти люди были одеты в странные одеяния, совершенно не соответствовавшие моей эпохе. Лишь мать предстала в полном императорском облачении, стоя величаво и торжественно. Внезапно появился отец, одетый во всё белое. Его «дымкой» был императорский головной убор, а под ним его лицо было окаменелым, совершенно бесстрастным, и на мать в её

узурпаторском наряде он не обращал никакого внимания. Он подошёл вперёд и протянул ко мне руку. Я подумала, что он хочет обнять меня, и прыгнула было навстречу, но увидела, как Ли Шэн опередил меня и бросился в его объятия. На лице отца появилась механическая, бледная улыбка, он медленно склонился, словно собираясь что-то сказать Ли Шэну, но в мгновение ока схватил торчавший у того за спиной острый нож и, развернув, вонзил ему в грудь.

Это кровавое зрелище заставило меня очнуться. Я с криком открыла глаза, и первым, что увидела, был отец. Он прижал меня к груди, нежно похлопывая и бормоча:

— Сыцзы не бойся, батюшка здесь.

Вспомнив сцену из сна, я наоборот содрогнулась. Отец обнял меня ещё крепче, приложил лоб ко лбу, чтобы проверить жар, потом потрогал рукой и, наконец, повернув голову, сказал стоявшему рядом придворному лекарю:

— Вроде бы не горячая.

Лекарю было не меньше семидесяти лет. Услышав слова, он сделал шаг вперёд и, согнувшись, приступил ко осмотру. Отец взял мою руку, перевернул её, и я узнала этого лекаря — это был самый старший и уважаемый фэньёу из Управления императорских лекарей, который, кроме лечения отцовских недугов, вообще никого не принимал. Я тут же испугалась и хотела отдернуть руку, но отец схватил мою ладонь и вложил её в руки этого врача Ван.

Тот пощупал пульс и сказал отцу:

— Принимать отвар ещё несколько дней, чтобы полностью рассеять болезнь.

Отец наконец облегчённо вздохнул, ткнул меня в нос и со смехом сказал:

— Эта малявка, звали тебя с нами в мяч поиграть — не пошла. Здоровье такое хлипкое, из-за пустяка до такого состояния дошла.

В тот момент я чувствовала себя как человек, не до конца протрезвевший после попойки. Всё звучало будто сквозь прослойку воздуха, и я смотрела на отца с каменным лицом. К счастью, рядом была мать, которая подхватила разговор:

— Династический брак — это пустяк? А что же, по мнению Саньлана, является важным делом?

Отец нахмурился, уложил меня обратно на постель, поправил одеяло и, усмехнувшись, сказал:

— Сыцзы, лежи ещё, не торопись вставать. — Сам поднялся и вместе с матерью направился наружу.

Я лежала с закрытыми глазами, смутно слыша, как отец с матерью спорят о чём-то вроде «по одному листу узнаёшь осень» и «составлении книг». Когда они удалились подальше, я снова села. У постели меня ждала давно болевшая госпожа Ян. Я обрадовалась и воскликнула:

— А-Ян! — Потом спросила:

— Когда ты вернулась?

Госпожа Ян улыбнулась:

— Вчера у Эрнян поднялся жар, и Шэнжэнь повелел мне вернуться. — С этими словами она взяла полотенце и вытерла мне пот. Поднявшись, я обнаружила, что хоть и нахожусь всё ещё в Чертоге Цзычэнь, окружающие люди уже сменились на слуг из Чертога Пэнлай. Кроме госпожи Ян, ближе всех стояла Сун Фою. Один взгляд на её лицо вызвал у меня стеснение в груди и одышку. Я ухватилась за руку госпожи Ян и сказала:

— А-Ян, мне нужна только ты. Вели всем им уйти.

Госпожа Ян с видом превосходства взглянула на Сун Фою. Та не посмотрела на неё, лишь молча удалилась вместе с придворными. Я заметила подспудное напряжение между ними, о чём-то задумалась, но всё же продолжала держаться за госпожу Ян:

— А-Ян, я хочу есть.

Госпожа Ян усмехнулась, достала сбоку лаковую столовую шкатулку. Я поспешно открыла её, но внутри оказалась лишь одна пиала миндальной каши. Энтузиазм мой тут же угас.

— Это я есть не буду.

<http://bllate.org/book/16278/1465977>